

К ВОПРОСУ О СТАРОЖИЛЬЦАХ

И. Смирнов

Вопрос о старожильцах является составной частью общего вопроса о развитии крепостного права. По Дьяконову, «крестьяне старинные, или старожильцы, образовали первую группу владельческих крестьян, утративших право перехода в силу давности или старины»¹. Такую же позицию в вопросе о старожильцах занимает и акад. Б. Д. Греков. Определяя старожильцев как крестьян, «которые издавна живут за своими господами на участках земли, которыми они издавна владеют и с которых несут как государственные повинности (тягло), так и владельческие (оброк и барщина), Б. Д. Гре-

¹ Дьяконов М. «Очерки общественно-го и государственного строя древней Руси», стр. 270—271. 1926.

ков считает, что первыми, «потерявшими право ухода от хозяина-господина, были крестьяне-старожильцы»². В такой постановке вопроса главным, определяющим моментом для старожильства является момент временной. Нам неизвестен срок, с истечением которого устанавливалось старожильство. Но, несомненно, что такой срок существовал³. М. А. Дьяконов же считает пятилетние урочные лета закона 1579 г. «наименьшим сроком, по истечении которого возникало старожильство»⁴.

² Греков. Б. «Главнейшие этапы в истории крепостного права в России», стр. 48—49. 1940.

³ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 273.

⁴ Там же.

В записях приходо-расходных книг Иосифова-Волоколамского монастыря мне, однако, удалось найти материал, который совершенно по-иному освещает проблему старожильства.

Наибольший интерес из этого материала представляет запись в приходо-расходной книге за 1592—1593 годы. Запись эта имеет следующий вид: «Месяца майя в 1 день (1592 г. — И. С.), по приказу старца Мисаила Безнина дано Никитке Масленникову на подмогу 17 алтын 4 деньги, что он сел на пашне в старожильцах, а был в детёнышах. Того же дни по приказу старца Мисаила Безнина, дано Якимку Окинуну пасынку Чеклевского на подмогу 21 алтын, что он сел на пашне в старожильцах, а был в детёнышах»⁵.

Первое и основное, что бросается в глаза в приведённой записи,—это то, что временной момент, как фактор, создающий старожильство, здесь отсутствует вовсе. Напротив, старожильство возникает сразу. Старожильцем крестьянина делает самый факт того, что он «сел» на монастырскую пашню и получил монастырскую «подмогу».

В данном случае в старожильцев превращаются монастырские детёныши. Это последнее обстоятельство могло бы дать основание для ограничительного толкования записи о старожильцах, связывая такой путь возникновения старожильства, скажем, со спецификой положения монастырских детёнышей⁶.

Однако в книгах Волоколамского монастыря можно найти и такого рода записи, где подобный ограничительный момент отсутствует: я имею в виду нижеследующую запись в приходо-расходной книге монастыря за 1619 год: «Месяца марта в 5 день дано волочнику Михаилу Братцеву за то, что отпустил он своего крестьянина из села Порохова, Истомку Шелаева, за Осифов монастырь жити в старожильцы»⁷.

Здесь, таким образом, в монастырские старожильцы превращается уже крестьянин, причём крестьянин принадлежавший прежде другому лицу, волоцкому помещику Михаилу Братцеву, который отпускает этого своего крестьянина «жити в старожильцы» за монастырь.

⁵ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря за 1592—1593 г., л. 73.

⁶ См. Греков Б. Указ. соч., стр. 58—59.

⁷ ЦГАДА. Приходо-расходная книга Иосифова-Волоколамского монастыря за 1619 г., л. 42.

Таковы те данные о старожильцах, которые можно извлечь из книг Волоколамского монастыря.

Было бы, конечно, слишком поспешно и неосторожно делать из этих данных какие-либо далеко идущие выводы. Но тем не менее некоторые выводы сделать можно и нужно. Прежде всего ясно, что «старожильцы» Иосифова-Волоколамского монастыря никак не укладываются в рамки обычного определения старожильца как крестьянина, прожившего у данного землевладельца длительный период времени. С такой точки зрения крестьянина Истомку Шелаева надо было бы назвать «новоприходцем», а отнюдь не «старожильцем», как его называет запись в книге. Вместе с тем материалы Иосифова-Волоколамского монастыря заставляют рассматривать и самую «старость», «старожильство», как социальную, а не временную категорию. В монастырском старожильце крестьянина превращает не количество лет, прожитых данным крестьянином в монастырской вотчине, а самый характер тех отношений, которые устанавливаются между данным крестьянином и монастырём: крестьянин, севший на монастырскую пашню и получивший подмогу от монастыря, вступает в отношения зависимости от монастыря, что превращает его в старожильца. Иными словами, крестьянин превращается в старожильца не под действием фактора времени, а в результате действий монастыря: не крестьянин становится старожильцем, а монастырь превращает его в старожильца.

Все эти выводы, однако, прежде чем быть использованными для рассмотрения проблемы старожильства во всё её объёме, требуют предварительного разрешения следующего вопроса: можно ли самое старожильство, как форму зависимости крестьянина от феодала-землевладельца, рассматривать как неизменную на всё протяжении того времени, с которого старожильство известно в источниках? Иными словами: можно ли старожильцев уставной грамоты митрополита Киприана 1391 г. и старожильцев приходо-расходных книг Иосифова-Волоколамского монастыря конца XVI — начала XVII века рассматривать как находящихся в одной и той же форме социальной зависимости? Или же и само «старожильство» испытало на себе влияние процесса развития крепостничества (или, говоря точнее, в своей эволюции отразило процесс роста крепостнической эксплуатации), а конец XVI в. с его «заповедными годами» изменил и природу старожильства?

Но ответ на эти вопросы предполагает именно рассмотрение проблемы старожильства в целом, что никак не может быть признано целью настоящей заметки.